

Михаил Сопин

Вмерзая памятью

**Мысли
Афоризмы
Краткостишия**

**ВОЛОГДА
ВОУНБ
2015**

УДК 821.161.1(470.12)
ББК84(2Рос-4Вол)6
С64

Составитель, редактор Т. П. Сопина

Сопин М. Н.

С64 Вмерзая памятью : мысли. Афоризмы. Краткостишия / М. Сопин; сост., авт. предисл. Т. П. Сопина. – Вологда : Вологодская областная универсальная научная библиотека им. И. В. Бабушкина, 2015. – 84 с.

Михаил Сопин был мастером короткой строки. Эта книга составле на из афоризмов, размышлений на полях стихов, поэтических заготовок, выразительных строк... Публикация подготовлена вдовой поэта Татьяной Сопиной.

УДК 821.161.1(470.12)
ББК84(2Рос-4Вол)6
С64

© Сопина Т. П., 2015
© Колосов А. А., фото на обложке, 2015
© БУК ВО «Областная универсальная
научная библиотека», 2015

КРАСНЫЙ БЛОКНОТ

Мысли. Афоризмы. Краткостишья.

Регулярно записных книжек М.Н. не вёл. Заготовки к стихам и мысли он записывал где попало: на полях и оборотной стороне машинописных листов, на конвертах, обрывках бумаг, газет... Ему хорошо думалось на ходу, но он плохо видел, а очки на улице не носил. Во время прогулок мы брали с собой записную книжку, которую несла я, и время от времени останавливаясь, Миша говорил: «Запиши!» Причём, записывать надо было сразу, а то шли вариации, и случалось, первый вариант (может, лучший?) мы уже не могли вспомнить.

Когда мы стали выходить в Интернет, появилась «слышащая сторона», которой захотелось откликаться. «С вами хорошо, – сказал как-то Миша о респондентах сайта «Стихи.Ру», – мысли не зажёживаются».

Мы нашли красный гляцевый блокнот с советской символикой (он не терялся из-за кричащей окраски), и я стала заносить туда афоризмы, шутки, мысли, которыми, бывало, так и сыпал Михаил под хорошее настроение. Там же находили приют заготовки для стихов и рецензий. На улицу он тогда уже выходил редко (квартира на четвёртом этаже без лифта), но, бывало, вышагивал по комнате, рифмуя, и время от времени кричал мне в кухню: «Татьяша, запиши!» Даже не обтерев от муки руки, я должна была поскорее отреагировать, чтобы потом вместе с автором привести заготовку в достойный вид. Иногда записывала и без приглашения, особенно юморное, весёлое.

Когда Миши не стало, я переписала Красный блокнот по разделам.

Добавила яркие фразы из стихов, из «заготовок»... Так подборка стала обретать глубокий, порой трагичный характер.

Благодарю за помощь в подготовке этого издания журналиста Алексея Колосова и заслуженную артистку России Елену Распутько.

Татьяна Сопина.

О ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ

Когда-то в тяжкие минуты жизни я поймал себя на мысли: но ведь бывало хуже! А я выжил... Значит, надо жить дальше. И есть где-то живые, слышащие меня, с которыми можно поделить ношу. Здоровые кочки на гибельном болоте – они всё-таки есть!

Мне в будущем и дня
Без прошлого –
Не надо!
Я счастлив,
Что печаль
Мне вечная дана.

Скуден дух?
История права,
Отторгая мёртвые слова.

Рог забытий.

Мне по силам –
До смерти нести расчехлённое знамя.
Как с пылающей памятью жить мне?
Земля, помоги.

Есть прошлое у молодых! Разве стремиться быть на кого-то похожим, подражать – не свойственно молодости? Прекрасно, когда за поворотом новый мир, пронзительная вечность. Однако распахнутую душу ещё как калечат стихии...

В каждом должна гореть собственная лампочка. А задача взрослых – помочь эту лампочку включить. Иначе кое-кто, как бы желая добра, может сделать из тебя персонажа из собора «Парижской в Бога матери», глянешь в зеркало и устроишься! :)

Не проклиная этот свет
За неразборчивость деяний.
Мир будет до скончания лет
Творить себя без покаяний.

В нашем словаре есть слово НАДЕЖДА... Случайная передышка на безумном броске в неведомо куда. Знать бы, куда бежать? Может, резоннее остановиться?.. (Прежде чем смыться!) Разобраться? «Чи нас насилуют, чи кажутся?» Спыхватимся через сто лет...

Чужое – деспотии запах стойкий:
Бесправие. Героика. Попойки.
Своё – случайной жалости словцо
И Памяти разбитое лицо.

Мы вошли в зону самоуничтожения.
Дерево, у которого обламываются ветви...
Если слишком много героев и зеков –
государство близится к финишу.

Молитвы. Плач. Песни и пляски.
И в этом зверином лесу
Себя в инвалидной коляске
Я в «светлое завтра» везу.

Мы всё ещё гордимся тем, чего пугаются
другие.

На полстолетия уже сиротство века
постарело.

У каждого века
Свой символ для Тайной вечери:
Свой Пётр, свой Пилат, свой Иуда –
Роди только, время, Христа.

В наше время большое зло водит за ручку такое маленькое добро, что и разглядеть его очень и очень проблематично. Эта формула касается нашего героизма. Если героизм пропагандировать в отрыве от истинной трагедии, он будет выглядеть инвалидом на содержании у своих вчерашних врагов.

Все будни по печалям – близнецы.

Это мы как девять тридцать и половина десятого. Время на циферблате одно и то же, но люди ориентируются на разное: одни тяготеют ближе к девяти, а другие – к десяти.

Какой команды ждать ещё нам?
Народ бессмысленно сердит.
Душа кутёнком истощённым
В бездонность Памяти глядит.

Боже мой, сколько раз
Молодым человеческом мясом,
Наспех сляпав Указ,
Затыкала ты
Прорву,
Страна...

Отмыться можно. Разровнять кладбища.
Вслух повиниться! Прежним стать –
нельзя.

Война, война.
Распятый страхом тыл
Застыл.
Мой длится путь по лихополью.
Я общества щадящего не помню.
Безвременьем убитых не забыл.

На столетье вперёд мы устали...

...Но в сердце смертном
Три колодца
Материковой глубины:
Былое – без конца и края,
Грядущее – без берегов,
И нынешнее – где сгораю
От брани братьев и врагов.

Оставить по себе хорошую память так
же трудно, как не оставить никакой.

Под накипью ложных побед грозны
плывуны наших бед...

Двадцать первый век средневековья.
Время без начала и конца.
На мольберте порохом и кровью
Вечность пишет замысел творца.

О чём нам говорить, о чём молчать, не
знали прежде. А теперь – подавно...

Мир проигрывает раунд.
Хлеб золой боёв пропах.
Мои мысли отмирают.
Мои просьбы догорают
На обугленных губах.

Всё, что со мною будет позже, пришло
на свет раньше меня.

Другие были времена.
Другие будут времена.
Растаял мнимый Эверест
И над былым поставлен крест.

За сто лет выплакано столько слёз, что
к прошлому, наверное, можно плыть
на лодке... Слёзы – признак человека: и
радость, и скорбь тоже.

Века прошли.
Века. Века...
Живём пока – и Слава Богу.
То память вздрогнет от звонка,
То мысли позовут в дорогу...

Тяготит нас любовь.
Не печалит разлука.
Мы прошли, «огнестрельно шутя»,
Чтоб похлопали нам одноруко
И забыли мгновенье спустя.

Строят невольники волю
Не на года, на века...
Пафос, запекшийся болью
В светлых зрачках дурака.

...Захлебнулся в драмах: нынче храмы на
крови, завтра – кровь на храмах.

Не тревожь умершее, бывшее.
Не зови грядущее.
Живи.

Жизнь – уродливая колея:
Сотни лет,
Цепеня,
Гляжу тебе вслед
И никак не окликну!
Это я, ненаглядная,
Неподвластно уму! –
Уходя, сотворяю молитву
Вечнолетию твоему.

«Будущее зависит от тебя». У человека,
жизненный срок которого составляет
мгновение, будущего нет. От рождения
до смерти – только настоящее.

О ЖИЗНИ И РАЗУМЕ

Раскрепощённый разум, учишь высокопрофессионально фиксировать безумие! Разумом награждает человека природа, болезнями разума в переизбытке обеспечивает власть идиотизма, тёмноколпачная рать, которую: «Разрешено наблюдать. Запрещено остальное».

У русского человека где юность, там и лысина.
А если к лысине ещё и ум, то полный коток.

В дичайшую дремучесть лет шагнула мысль...
И не вернулась.

Вот этого нам и не хватает – осмыслить,
кто мы? Кого мы дублируем столетиями,
оставаясь на том же самом месте?

Печальные даты и числа –
Былое идёт по пятам.
Мы ищем в безумии смысла,
Не зная, что нет его там.

Объединяет выдумка. Разъединяет жизнь.

...Не проповедуй
Кровь и победу.
Сносному аду,
Сладкому яду,
Властному зверю
Как я поверю?
В мирные мины,
Доброй простуде,
В то, что безвинных
Нынче не судят...

Выживать – это перечёркивать историко-культурный свой путь, становиться, как все. Для вышколенной чиновности приемлемо только то, что свободно проходит под нижним основанием планки её мироприятия: не может служить примером для подражания, не нарушает дремучий сон мысли, не мешает жить, напоминая о нравственности, о чистоте душевной.

В России:
Смысл жизни – не быть, а казаться.
Играть, от себя уходя.

У бомжа и у министра, у магната и скупца
Всё проходит очень быстро от начала до конца...

...Ни одежды, ни жилья.
Жизнь-ведунья, лжеколдунья,
Поздних лет ворожея.

Время страшно откровенно,
Горше выдумки любой.

Интересное историко-культурное мировое состояние наблюдаю.
Вынужденное взаимодействие между мировоззрениями – индивидуальным, массовым и масскультом. Мир и красота. Рождающие и убивающие. Творящие и вытворяющие. Женщина и мужчина. Одиночество молодых и сиротство взрослых. Желаемое и действительное.

Чем лучше и больше мы будем знать о том, что с нами происходит, тем меньше у нас будет «судьбоносных» последствий.

Эпоха следствий и причин –
Исконно наше постоянство.
Средь переменных величин
Незыблемы война и пьянство.

Сознание на запад стремится, а крылья
несут на восток...

А жизнь, сметая в пыль пророчества,
Бьёт околпаченные массы,
У околпаченного общества
Стирая гордые гримасы.

Младенческие слёзы отольются глазами
взрослой перерезанной лжи...

Нищему даётся одна жизнь, духовному
царю – бесконечность.

Вы слышите – были мы, были
Кочующей горсточкой мыслящей пыли...

Всем, с кем вместе плакал и радовался,
кочуя по Земле.

С тех пор, как был распят Христос,
Мечом шла милость на немилость.
Так много крови пролилось,
Чтоб ничего не изменилось.

Состарило, что было молодо... Всё этой
жизнью перемолото.

Дерзающие переделать дочиста мир –
неизлечимый бред людей. Мой путь к
себе – в раздумье.

Раскрываются глаза разума. Задача –
озвучить их. И с раскрытыми глазами
просто нет дороги назад. Разум должен
осмысливать мгновения жизни, которые
мы не ценим, не ощущаем.

Продление личной жизни в продуман-
ном и максимально точном учёте жиз-
ненных мгновений.

Почти бессмертна и почти жива
У придорожья времени трава.

У волнолома бурей уносит во тьму немо кричащий в
пространство вопрос: «Почему?!»
Что это – подъёмное падение? Реквием земного
оскудения?

Где звонят? Большая перемена?
Праздник крови... Некого винить.
Можно на земле одновременно
Праздновать, рожать и хоронить.

С новыми словами и со старыми силами...

Я видел жизнь
Без войн, без зон, без плача...
Мне снился сон.
А наяву – иначе.

И вот сижу я наедине со своими раздумьями. Прихожу к очень-очень неутешительной мысли: когда человек не понимает, что происходит в нём самом, в великом (!) государстве, не знает, что ему делать... тогда он стремится создать нечто «с человеческим лицом». Десятилетиями пытается увидеть, заглянуть в это человеческое лицо, но то ли не туда глядит, то ли всё больше вместо лица выпирает «мурлецо».

История не учит ничему.
В ней можно правду
Выдать за чуму,
А если надо –
И чуму за правду,
И выпестовать
Скопище глупцов,
Чтоб спутать всё –
И не найти концов.

Слишком коротка жизнь и долог бред,
которым мы жили и продолжаем жить.

В перекошенном мире... самое трудное – повернуться к себе лицом и пойти себе навстречу, понять в себе то, что никогда по собственному желанию, да и по желанию величеств, не меняется. Заставить сознание работать на себя, на детей, на жену, на кота... на близких по мировоззрению людей (из ответа автору, посетовавшему, что самое близкое ему существо – кот).

Когда пикировать ниже уже некуда, то рано или поздно окажешься на высоте.

Тягостен не столько сам крест, сколько наши представления о нём. С другой стороны, крестная ноша становится двигателем жизни. Большой частью мы живём догадками о самих себе – о своих радостях и страданиях. Надо знать, что страдания – это не востребованная радость. Они будут мучить тебя, пока не поймёшь: что же жмёт, давит, почему так тяжело... За этим последует осознание, что крест – это жизнетворящая энергия. Она заставляет искать, работать.

Сейчас стал мысленно перебирать – чем мы большую часть своей жизни занимаемся? Ухайдакиваем её на то, чтоб укоротить эту самую жизнь. Не сделать лучше. А укоротить...

«Жизнь – неизлечимая болезнь, передающаяся половым путем» (польский фильм). И всё же как приятно болеть! Использовать до предела свои несхожести с арифметическим множеством, пока вам не будет предложено не выбираться из неё, а убираться.

ПОНИМАНИЕ

Понимание друг друга – борьба за пространство
величиной с человеческий волос. В самом себе...

Диалог случайных близких.

Печаль на двоих – апрельский сумрак.
Улыбка на двоих – жизни свет.

В этом двояко-тroyако-выгнутом мире душевного
благополучия было бы ждать смешно. А на счёт гра-
бежа... Так это как игра в поддавки. Чем больше от-
даёшь, тем больше выигрываешь. (Из ответа автору).

Тихо-тихо-тихо
Облетает снег
Нынешнего лиха
В мой вчерашний смех...

Есть движение от себя и к себе. Движение как попытка
уйти от закаменелости – от себя. К себе – осмыслить
свою деятельность и радоваться этому.

От близкого человека и тумак – объятие.

Над весной моей – белым-бело.
По былому – снега намело.
Давняя обида и беда –
Со стекла оконного вода.

Видеть в зеркале времени выражение
того, что несёшь в себе. Человек приходит
в мир подарить своё имя близким.

Далёкая луна по травополюю.
Иду сторонкой от грызни земной.
И боль моя становится не болью,
А частью жизни, сросшейся со мной.

Я знаю – нет тебя в помине! Но отзываюсь... И зову.

Оставайтесь с нами. Оставайтесь в снах.

Дари себя людям! Худо, конечно, если нечего дарить,
но тяжелее – если некому.

Хочешь быть понятым – стремись быть понятым,
ибо от косноязычия уже дышать в этом мире нечем.

Чем ты внутренне богат – тем и будешь населять среду близкого
тебе окружения: предсказуемостью, понятостью и всеми другими
качествами, о которых не надо догадываться, а надо их знать.
Так я думаю. Это поможет поиску в направлении – чего надо
не делать дальше, а чего никогда больше не делать! Больше
останется места для жизни, а меньше для бреда.

Не все ещё –
Почти –
Ещё не поздно...
Есть я и ты.
У края обними.

Жизнь задала вопрос – ты дал ответ, который вызовет твою же улыбку благодарности за точность, информационную ёмкость.

Невостребованность радости может превратиться в горечь... Пробуждаемся, чтобы избыть её, освободить место для следующих размышлений. Нужно запустить процесс, не заикливаться на чём-то, оставить её хотя бы в состоянии недоумения. Она будет прислушиваться к тебе, и не исключается возможность сотерпимости, дружбы.

Своим,
Живым,
Земным поющим братьям
Я улыбнусь
Незрячей болью слёз.

О ЛЮБВИ

Грустно, что для любви отпущено так мало времени. Больше для её уничтожения... Пока.

Мы расстаёмся,
Двигаясь по кругу –
Внушал себе, трусливому вралю!
Так долго надо жить,
Чтобы друг другу
Сказать три слова:
«Я
Тебя
Люблю».

Не знаю, кто ты, друг. Пока видна дорога,
усталых рук, прошу, не опускай до срока.

Когда расстанешься с любимым человеком, расставание
будет долгим. Может, даже больше жизни...

Моё сердце не знает
Угасшего слова: разлука.
Моим чувствам неведомы знаки –
Чужие края.
Это я троекратно
Посылаю в пространство
Два звука:
Дорогая моя!
Дорогая моя.
Дорогая...
Моя...

Любовь к ближнему, пребывая в долгом состоянии
«до востребования», тоже взрывает.

Когда встречаются двое, любят друг друга и думают, что создают семью, это ещё не так. Они только сажают деревце, которое надо растить и поливать, иначе оно засохнет. Это надо делать обязательно вдвоём... А если каждый раз выдёргивать и пытаться воткнуть новое, то ничего не получится.

Недолюбленность дышит нам в затылок. Надо понимать, что людей с таким грузом много, но они лишены умения выразить себя словом...

Размышление о недолюбленном поколении надо приучать, приучать, как случайно прибившуюся собачку, которой вот так бросишь кусочек в виде стихотворения, а она его примет, посмотрит тебе в глаза с таким доверием... И ты поймёшь, что расставаться уже не получится. (Из ответа автору).

В лютой зной я без дружбы смерзаюсь. Ты – от хватки друзей-торгашей. Греет солнышком белая зависть к богатейшей любовью душе.

И каждый груб не потому, что глуп, а потому, что сам себе не люб.

За сон любви мне продлевали муки.

...А на два голоса даже плачется, как поётся.

Со мной, я знаю, всё случится,
Что позже выпадет тебе.
Взгляни улычиво, лучисто
Не на меня – а в даль небес.

Размышление к «Смещению»:

Где ты, тот или та, приди, обними меня, чтобы мне, в неотвратно надвигающемся одиночестве, стало чуточку теплее от воспоминаний!!! Но мы и этого не можем себе позволить. Как же нужно ненавидеть себя!

Позывные мои:
Бесконечно благодарю!
Ты молитвы мои
Допусти к твоему алтарю.
Обними –
Можно мысленно...
Не отторгай, что я делаю.
Подложи мне ладони
Под усталую голову белую.

Кому – финал, кому – дебют... Лишь только мне
стезя иная. Я не издохну как-нибудь:
добьют любви воспоминанья.

О ПОЭЗИИ

Великая поэзия... дом, в который можно войти и почувствовать себя свободно, не пригибаясь под перегородками.

Стихи не могут быть хорошими или плохими. Они становятся такими в глазах читателей.

Когда пишешь стихи, надо ощущать... как будто держишь в руке гранату со вздёрнутой чекой.

Надо стремиться к тому, чтобы в законченном стихотворении было больше тебя – человека и меньше тебя – поэта.

Мастерство – дело наживное. Главное – камертон души.

Блохи (в стихах)... единственное наше имущество, чем владеем. Но что поделать – тоже живые существа, жалко их :))

Выше поэзии могут быть только молитвы времени разлома – молитвы, востребованные временем.

Любой пишущий человек, начиная работать, ведёт полемику с самим собой. Выдумывать в этом шапито нельзя, собрать и проанализировать можно. Но для того, чтобы быть услышанным – надо знать психологию читательского круга.

Не беру на себя задачу скульптора: обрубив всё лишнее, превратить живую глыбу в мёртвый идеал. Для этого существуют профессионалы. Но умение подать себя профессионально – не гарантия деторождения, сотворения нового.

Напишешь – и написанное будет улыбаться тебе. Если будешь относиться к делу чуть лучше, чем к самому себе, оно будет врачевать, концентрировать энергию. Вызовет улыбку, как у Джоконды – твой труд тебе улыбнётся. Это очень важно.

Поэзия – это самосозидание человека без плёток и приказчиков. Какими бы тряпичными лозунгами она ни украшалась, как бы ни драпировалась, остаётся главное – видеть в зеркале насущного дня отражение того, что несёшь в себе. Мы переходим к пониманию ценности малых величин, из которых состоит большая жизнь. Любое имеет право быть.

Букв на чистой бумаге полоски – отголоски, от нас отголоски...

Поэзия и жизненная действительность находятся в странных взаимоотношениях: для того, чтобы понять, о чём идёт речь в стихотворном труде, необходим перевод с поэтического на нормальный средовой язык, как для верующих с церковно-славянского на разговорный русский.

Сегодняшний критик – брат милосердия у изголовья тяжело рождающейся современной поэзии, вычерпывающей из себя пустоты прошлого. Поэзия – в тебе самом, рядом, ты ею живёшь, дышишь, плачешь. Человек плюс время. Рад тому, что всё это набирает обороты.

Если ваш стих порадовал хотя бы одного человека на земле – его стоило написать. Это как от души сказать «Здравствуйте!» незнакомцу.

Когда встречаются два одиночества и поют друг для друга – это уже одна жизнь. Они поют на два голоса. Но если прекращается мелодия одного из них, у оставшегося она звучит сильнее...

Дурачок сам может не знать, зачем он пришел к церкви и как туда попал. Но если приходит поэт, всё становится не бессмысленным. Возникает диалог! Это и боль, и радость, и осознание самоценности.

С глубокой благодарностью прочитал стихотворение и отклики пишущих, читающих. Желание пить из такого родничка неутолимо, оно надолго... К нему надо наклониться, а там сам увидишь – пить или омыть глаза.

Увидишь отражение, которое невозможно обойти, и не только своё.

Века живёт поэзия, века...
Чтобы узнать – где главная строка.

В опущенном краю больных бренчал
Мой голос в общем хоре не звучал.

Пока каждый пишущий стихи всего себя не вычерпает, он себя не найдёт. К нему не придёт главное в поэзии – самолечение, самоисцеление.

Одиночество – как профессия... И в этой профессии рождается поэзия.

Возвращаться к себе. Исповедаться – единственная возможность самолечения.

Когда подаёшь сердце на ладони, с ним могут поступить как угодно: промямлить по касательной (возвращаясь с рынка :), пнуть, осмеять... А человеку надо, чтобы его услышали. Пусть слышащих мало, но они есть. Когда-то я в своей жизни осознал: даже если зовёшь немо, к тебе рано или поздно приходят.

Жизнь так устроена: и на болоте есть здоровые кочки. Есть! Но что за ним стоит? Что движет автором? Не надо жалеть своё внутреннее богатство. Иначе оно останется в состоянии «до востребования» и, не высказанное, может взорвать изнутри.

В отдельно взятом Божьем продукте есть всё. Почва готова в нём самом. И как только создаётся средовое, из него начинает переть. Без колец, вкрученных в небо и в почву, творчество – миф, как противостояние обществу в виде Союза писателей.

Пусть эта колыбельная душе своей поётся и нам тоже.

ОБ ОДИНОКОСТИ

Определение «одинокость» полемично. Ближе к нам одинокость воспринимается как отторженность, забытость, ненужность... Но есть одинокость как неповторимость.

Две свечи в ночи – уже переключка: «Я есть. Иди. Смотри».

Прекрасный портрет сиротства взрослого человека
(рецензия автору).

Недолюбленные дышат нам в затылок. Надо догадываться, что людей с таким грузом очень много, но они лишены возможности и умения сказать. Подскажи – они узнают себя и перестаёшь бояться устремлённых на тебя глаз. На дистанции вручается жезл, с которым бежать дальше. Мы в жизни не первоклашки. Но так трудно назвать плохое – плохим.

...Сказать – это разоружить горечь.
Она уже не будет тебя бояться, а ты её.

...Живут ещё
Два сердца одиноких,
Делясь в пути
Остатками тепла.

К своему одиночеству обращаюсь по имени-отчеству.

Ты один, я один, каждый смертный один...
Вместе – пасынки века.
Я ищу тебя среди лиховертных годин,
Где ты, сын человека?

Мир держится на здоровых кочках среди гнилого болота.
Осознанием одиночества близких духом живу –
надо жить для того, чтобы они не отчаивались!

Поразительное свойство голоса человеческого – за тысячи километров, тысячи потерь, надежд и безнадёжности вдруг слышишь голос, который работает на том же камертоне.

Жизнь многолетнего холода меж полюсами легла...

Встречая одинокий взгляд, прошу:
Беги от злобной жажды.
Все наши боли догорят.
Все слёзы высохнут однажды.

В робе потёртой,
Без имени-отчества
Бродит по жизни
Моё одиночество.

Каждый вечер, бывает – и в ночь,
Освещённые тусклым лучом,
Наши души режут в одиночку,
Упрекая друг друга... Но в чём?!

К исходу день.
Хлеб чёрный есть на ужин.
Я никому –
И мне никто не нужен:
Ни Бог, ни царь, ни раб, ни господин.
Я в этот мир,
Прекрасный и позорный,
Распяленный свободой поднадзорной,
Один пришёл
И отойду один.

В одиночестве, бывает, такого напорешь – не разберётся даже самый близкий кореш (читай – тысяча умных). По себе знаю. Так что лучше поговорить с портретом (коллективно подумаем об этом!). А для этого надо больше писать стихов и показывать свои внутренние драгоценности. Времечко просит об этом. И мы – тоже.

Ощущать плечом идущего рядом. Но не затягивать эксперимент, а то можно придти не туда.

Не вдруг... становится не по себе от центрифужного втягивания в охлаждающую душу догадку: исповедь не состоится потому, что ни родных, ни друзей, ни Родины нет. Остаётся внутренняя духовная Голгофа, с воткнутым в вершину возраста высотомером пережитого: 10 лет, 15, 25... И по делениям видно – каким ты был, каким стал, что приобрёл, что утратил по своей глупой молодости, невежественной зрелости, по причине многих общественных «нельзя». И вдруг в июле 2003 года при 30-градусной жаре ощутишь в солнечном сплетении смертельный холодок одиночества...

Живя в общественном лесу, я одиночество в объятьях сквозь вопль кликушеский несу.

Не выспрашивай, чем я живу.
Убедительно вряд ли отвечу!
Жизни серенькой противоречу
Тихой-тихой снежинкой...
В траву.

Мы знаем при жизни друг друга,
Не зная –
Как пламя и вьюга.

ОБ ИСТИНЕ

Хочется поднять к небу глаза и спросить: «Господи, где же конец всему этому?» И знаешь, что конца не будет.

Плачут радость и беда, смертные и боги. Откровение всегда – у конца дороги. Но иногда и на поворотах. В этом прелесть жизни. И дай Бог, чтобы поворотов было больше.

Стынет мысль.
Угасают лета.
К этим дням не теряй снисхожденья!
Может, вера твоя – слепота?
Может, правда твоя – клевета?
А сужденья твои – заблужденья?

Учение – свет. Неучение – светоотключение.

Я не пекусь о пользе и о благе.
«Не причини вреда» – дороже мне.

Где праведно нельзя, там всё, возможно, ложно.

Сегодня бессмысленно интересоваться: «Что есть истина?» Сегодня это решается проще: «Сколько стоит истина?»

... Нет на земле вне меня ни добра, ни печали.

Идти направо – быть убиту.
Свернёшь налево – сам убьёшь.

«Но не суди рабов...» А рабы-то судят. (К стихотворению: «Но не суди рабов за то, чего им Бог не дал»).

Чтобы найти себя настоящего, надо потерять себя выдуманного. Есть ли в таком умозаключении правда? Есть – если она существует вообще...

И скользя в перемётном снегу, я по вымыслу жизни бегу.

Самое трудное – выйти на размышление, чем прикрыта, во что одета сегодня истина, как она выглядит. И готовить себя к ответу. Вдруг она спросит: «А кто ты?!»

О БОГЕ

Если ты идёшь в храм, не неся ничего в душе...
То выходя, уносишь на своих подошвах пыль,
способствуя его разрушению.

Коль света нет в душе – обман дорога к храму.
Коль в сердце нет Христа – во храм спешить зачем?

Дорогая моя Таня! Всё, о чем Вы думаете и что слышу
я – слышу не один я. Слышит тот третий, который
всегда между нами. Поэтому мы и понимаем друг
друга, слышим и думаем. (Из диалога с автором).

Если бы все молитвы живых и мёртвых собрать вместе,
книге не было бы конца...

Вера – она бесфамильная. Без неё нельзя. Она
существует, потому что без неё не получается... Пока.

Возвращаясь к прошлому печали, человек остаётся
в раздумьях наедине с собой. Вторым собеседником
обязательно присутствует Господь.

Заработай у самого себя уважение к себе.
Иначе и к Господу-Богу придёшь
с тэтэшником на разборку.

Желание плакать, желание верить прошло.
Уходит, уходит, уходит желанье молиться.

Мы брешем Богу и душе,
Родным, забытым и забитым.
И Апокалипсис уже
Стал повседневным нашим бытом.

Не стремитесь к зависимости! От такого жеста прямой
путь к общему корыту. Не думаю, что даже самый
яростный поклонник обрадовал бы Всевышнего,
вползая к нему на четвереньках.

У Господа Бога человек – товар штучный.
Никто ни на кого не похож.

Мы взяли веру напрокат и стали призраками веры...

Не надо мне побед, в которых Бога нет!

Казнил народ царя и Бога.

Безгрешное покаяние...

...От двурушья чада
Ты их, Господи, прости,
А меня – не надо.

Бог нуждается в мыслящих верующих, а не в тех,
кто с послушной поспешностью кричит: «Распни!»

За Россию, за Союз, за свою охаянность я ещё молюсь,
молюсь, но уже не кланяюсь.

Мы плетёмся не молиться – гоним души на износ.

Никогда, наблюдая психоз, не вернётся на землю
Христос...

Толпа любая служит для системы, а Богу служит
только человек.

Жизнь без веры – то же, что вера без жизни.

За Христа или против Христа вопиющая пустота?

«Распять пришедший...» Общество, однажды распявшее
Христа, обречено идти этим путём до конца: оно не пойдёт
на создание нового Бога, это ему не под силу. И будет рас-
пинать признаки божественности в человеке; штамповать
татей и каяться, чтобы самому казаться чище. Чтобы состоять
при теле и при деле. А это, в свою очередь, будет вызывать к жиз-
ни кающихся – без греха, за грехи других, приговорённых к
любви как к высшей мере.

Одно лишь только в этом мире свято – то, что самим
же миром и распято.

Мне нужен мир без крови и без слёз.
Но Бог и Время против нас восстали!

Даже «Отче наш», когда эту молитву шепчешь, зная, что ни Богом, ни в храме, ни в райкоме она не будет услышана и востребована, может взорвать человека изнутри.

Бог видит всё. А суд всегда вершит ничтожество земное.

К покаянью души я годами иду в свою Мекку
одинок и молча,
как пропавший без вести солдат.

ЛИРИЧЕСКОЕ

Самое светлое, что нам остаётся – это понять друг друга и преклонить колени. Нам повезло, что мы это можем себе позволить.

Плачет ночная собака. Голос её остался между деревьев ночных, слёз и поз.

Зачем по снегу клюквины?
Закона манекен?
Зачем уйду отлюбленным
И не узнаю – кем?

...Сны юных лет, что видятся вдали,
Как из тетрадок школьных корабли.

В дальних маршах, в снегах и в пыли
Ты мне виделась, может быть, дальше,
Обновлённая нежность Земли.

...Но близость и участие хочу найти взамен
не найденного счастья.

Для того и топаем по земле, чтобы увидеть
и ответить – улыбкой, рукопожатием, словцом помощи...

Ещё не стужа. Только снег.
И мы идём, сутуля плечи...
Все знают всё и обо всех.
Но с тайной – жить на свете легче.

Третьи сутки дождит... Трудно думать о чём-то ином.

Я знаю – нет тебя в помине! Но отзываюсь... И зову.

Дело не в том, на каком боку лежал хлебушек под огнём, нас опалившим, а в том, что мы из этого огня вышли и вот затрагиваем струны пространства, и оно звучит.

Семидесятый выпал снег.
Всё дорого, что за плечами.
Я слышу плач!
Я вижу смех...
Улыбка в рамочке печали.

Идёшь по улице – на дороге копеечка. В кармане шесть тысяч, а копеечке всё равно радуешься, потому что радость неожиданная. От чего-то она отвлекла. Элемент неожиданности – прилив адреналина. Идёшь дальше и уже шаришь глазами по земле... А от чего отвлекла? Стоп. Фиксирующий момент – о чём думал? А иногда просто хочется запеть, и больше ничего.

С такими, как ты, Маша, и жить тепло, и умирать не знобко (из ответа автору).

...Чтоб не забылись
Боль и милость,
Где не разбился
В темь и склизь:
Где ложь чужая позабылась,
Мои отмщенья не сбылись.

Зарастают берега. День сменяет ночь густая.
В травы падают снега, наши стёжки заметая.

Так хочу в ту страну возвратиться,
где давно меня в памяти нет...

Трудно быть мужем и женой. Но в любом случае
остается чувство благодарности к пройденному
вместе жизненному пути. Поле приюта и мудрости
настолько велико, что в нём остается место и для
любви, которая грела в юности.

Ведь это человеку обязательно надо, чтобы его кто-то
приветил, погладил по голове. В войну так воспринималась
полевая почта. Я без вести пропал для сверстников
и друзей военных лет – да их, скорее всего, нет в живых,
а если кто и есть, в лицо не узнает.

Гляжу на август сквозь стекло, пытаюсь избежать ответа.
Как быстро время протекло. Как быстро стынть сметает
лето.

Если я проживу много лет, что останется мне
от дождя, пролетевшего в юность?

...Уходя, я унесу пыль жизни
В ладонях потухающего сердца...

Желаньям прежним вопреки, всё реже чайки у реки,
и телефонные звонки, и расставания, и встречи... Всё
реже меня тревожат чьи-то речи.

МИСТИЧЕСКОЕ

Мои глаза –
Как два провала
На поле снежной целины
Глядят сквозь века покрывало
Из затаённой глубины.

Пусть спят сомнамбулы. Пусть спят.
Проснутся – будешь ты распят.

Контуженные тени романтикой расстрелянной живут.

И сил уж нет... мне жаль тебя, многострадальный свет.
И длится, длится много лет один и тот же бред.

Днём гремят зазывал бубенцы шутовские. И шуршат
по ночам тараканьи бега.

Не тем гордился и не то берёг я, плачущий зеркальный
носорог...

И всё, что я вижу – не ложь, не случайность познания,
а знаковый комплекс таинственного мироздания.

Чёрный вечер.
Мокрое крыльцо
Дышит напряжённо мне в лицо.

Не надо мне песен, не надо словесных идиллий...
Довольно с меня гипнотических снов наяву.

Здесь воистину может случиться, кроме истинно
доброго, всё. И хвостами взлетят в небо птицы, сея
каменный крик в немость сёл.

Страшись безликой тишины,
Когда в единой круговерти
И жизнь, и смерть обручены
В таинственное жизнесмертье...

Харизма – харя изма какого-нибудь.

О ЧЕЛОВЕКЕ

Я молюсь за тебя, человек, притерпевшийся к плачу...

Обесценивая слёзы врага, ты обесцениваешь слёзы друга, человека вообще.

Человек формируется от среды. Это то, что даётся ему по природе. Первично – сбалагурить, сказать ёмко, хорошо, красочно. После этого появится уважение лично к нему. Его будет уважать администрация. Но это – только в той обстановке, во времени (о тюремном фольклоре). С ним и в карты будут играть на «Вы».

Человек старый – безразличный. А способный удивляться и дышать полной грудью – нет. Что Вы! Сейчас многие молодые не умеют, к большому сожалению, удивляться, всё больше постреливают да ГРАБЮТ. А ведь интересно дотянуться, заглянуть, что «там, за штакетником...» (Из ответа автору).

За всех униженных и нищих в своих зауженных жилищах...

Дорогие-дорогие-дорогие...
Вот и мы уходим, как другие,
Отмечтав о несуразном благе,
Оставляя мысли на бумаге –
Наши лица в профиль и анфас:
Мысли, выражающие нас.

Человек, принявший безропотно «программу» как-нибудь... труп.

Две капли ужаса и боли – глаза без мысли и без воли...

Когда я слышу выражение: «Он был... поразительно незлобивым», – для меня эта фраза звучит: он прожил мёртвую жизнь.

Века прошли. Века, века... Паскуднейше в душе. Есть член: ЦК, ЧК, зека... нет человека. Нет пока. Пока? Или уже?

Солнечно. Месячно. Млечно. Скопище звёзд и огней. Всё на земле человечно, всё – что творится на ней.

Свой мир и мировое отчуждение.

Самая большая нескромность – не видеть себя со стороны

В себе алтарь,
В себе молитва,
В себе – свобода и тюрьма.

Страшно, когда производное нашей радости – беда ближнего.

Слаб человек, слаб...
Подсизиваем, шепчем –
Раскрепощённый раб
Тоскует о прошедшем.

Не стремитесь перенасиловать насильника и укокошить подозреваемого в убийстве. Давайте не будем уподобляться дантисту, удаляющему зубы с помощью кулака. Нам всем и каждому нужна сестричка милосердия, умеющая хотя бы выслушать молчаливо.

Не торопись. Не проклинай. Поплачь...
А вдруг палач не знал, что он палач?

Помни: твоё имя – Человек. Не ссылайся на жестокий век! Вглядывайся, думай... Не молчи. Веком могут править палачи.

За пищу, славу, за чины (один или семья!) мы были все обречены проигрывать себя.

Через великий страх подавления человек приходит к тому, о чём он думает и пишет.

... Нет личной позиции, но есть позиция личностей. Это перетекающие уровни: усилия одного действуют на уровень другого.

Защиты нет.
Всё в нас: и свет, и полночь.
Неколебим и прочен чёртвов круг.
Не стоит нищих духом звать на помощь.
Не стоит унижаться.
Руку, друг.

Ты один, я один, каждый смертный один! Вместе – пасынки века. Я ищу тебя среди лиховертных годин – где ты, Сын человека?

О РОССИИ

Я, Россия, к тебе прикасаюсь болевым разворотом души...

Россия. Снега. Занавески.
Дорога безлюдна, пуста.
Но гордо мычат по-советски
Зашитые болью уста.

Несёт по жизни человек
Глаза и ордена
И говорит: «Двадцатый век...»
А слышится – война.

Родина, склоняясь лицом разбитым, детскую качает колыбель.

Обо всём и всегда
Говорил я с Россией на равных,
Постигая хребтом,
Что для смертного нет мелочей.

Распиная, враги помогали
Сердцем впитывать святость твою.

Россия, властная держава!
В эпоху чёрного крыла
Твоя незыблемая слава
Моей трагедией была.

От бракосочетанья рая с адом Союз всегда кончается распадом.

Сами, сами подписали мы своими голосами
обречение своё.

Безмыслие влечёт к вину. И пьётся со стыдом
за неприятную страну, за свой бездомный дом.

Россиюшка, Россия – идейный полигон энергии бессилья.

Давай сопьёмся за Россию.

Исчезли отцы. Отразились сыны
В остывших зрачках безразличной страны.

У Родины ещё не та улыбка, которая гарантирует хотя
бы надежду. Пока она больше похожа на гримасу...

Уверен: когда слово Родина будет произноситься вторым
после «сынок»... оно не будет ввергать живущих в страх.

У нашей Родины очень уж непостоянное меню.

Если гордость наша – пыль парада,
А плоды Победы – дым в горсти,
С нами происходит то, что надо,
Что не может не произойти.

Все почести твои – для мёртвых. Все злоключения –
для живых.

У нас опять ни месяца, ни года,
Гром барабанов, гимнов и атак.
Я не реву. Дождит. И непогода.
Несдержанность, ребята... Просто так.

Переход затмения в темноту.
Ни фонарика, ни бубенца.
Убивающее «накануне»
Над Россией длится без конца.

Живут хорошо человек с ружьём и человек с «рыжьём»
(золотом).

Мы здесь – слепцы
На златище несметном.
И правда наша – ложь
И плач.
Ворочается в каждом смертном
И оборотень, и палач.

Когда я знаю историко-культурный пласт государства,
когда я читаю подпись «Хозяин Земли Русской», когда
бездумно произносятся и неоднократно повторяются
фразы «молодая страна», учитывая подвиги самоистребления,
доблести войн и их последствия, мне хочется
к «молодой стране» добавить: неизлечимо.

Не прямо лицом к России. Обожжённый бочок...
Сами могут не видеть, а мы-то здесь – видим...

Умирать за Россию можно сколько угодно, а пропить –
не выходит никак.

Страх на свободном поводке. В затылок дышит
государство.

В расплющенной страхом стране так холодно,
Боженька, мне...

Я пью за без вести пропавших
В войне своих
Против своих.

Ты шла к диктату – а пришла к распаду.

...Через щёлки вспухших век одурманенной России...

Лет
Непостижимый бред:
Велика Россия:
Для одних – свободы нет,
Для других – насилья.

Глаза,
Советские глаза
Нелепости,
Стыдобы,
Страха...

...Победоносному народу не отдышаться от побед.

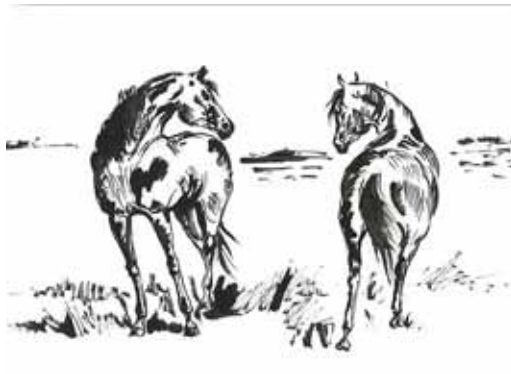
Сбрасывали царское ярмо, чтоб в такое вгваздаться дерьмо...

Все мы, пресветлая,
Дети твои и соузники,
Млечные тени
Бетонных твоих крепостей.

В перелицованном краю всё наизнанку...

Свечи. Свечи.
Свечи в ряд
В поле обречённом.
Души-свечечки горят
В сверхдержавье чёрном...

Всё равно, апостолы насилья,
Рано пьёте
Под команду:
«Пли!»
Вы умрёте раньше, чем Россия.
Вы уйдёте.
Вы уже прошли.

О СВОБОДЕ

Толпа и свобода – клинически не совместимы.

Свобода – тягостная ноша для большинства
казённых россиян...

Рухнули своды идей –
Красные, звёздные своды.
Призраки вольных людей
Стонут под игом свободы.

Государственная цензура – это нравственная
нецензурность.

Нет. Мы без страха – без святыни.
Русак без деспота – труба!
Смешон бы был
Корабль пустыни –
Вообразите! –
Без горба?..

Бурлит страна на вираже.
В огне свободы – жесты, лица.
И от истории уже
Не скрыться и не отмолиться.

Самообман?
Больная страсть?
Нам,
Славящим свободы имя,
Дано тиранов мёртвых клясть
И лебезить перед живыми.

Маясь несварением свободы, царской крови жаждет скудота.

«Все обещанья – ложь», – мне шепчет краткий путь.
И воздухом свободы не вздохнуть.

Свобода – что она, мой друг?
Когда идёшь по жизни молча,
Плеть формирует
Стайный дух,
Станичная культура волчья.

Здесь жаждал я воли! И вот от немислимой воли как
будто у края разверстой завис полынни...

На лицах – отблески свободы,
А голосуем за тюрьму.

Жаль, гаснет жизнь. Короче путь.
И воздухом свободы не вздохнуть.

О ТОЛПЕ

Жутко хочется жить в мире... над спешащей толпой.
А ей не жутко от самой себя? Интересно.

Счастье на сухом песке рисуем,
Вслушиваясь в хруст.
Каждый
До песчинки предсказуем,
Потому что пуст.

В результате концентрации человек начинает
выделять места, где формируется культура...
запаховая, глазная, ушная...

Народ и есть народ, не боле: то табунами церкви жечь,
то бандами на богомолье.

...Чтоб взрывала глубинная совесть наш безликий
и тягостный пласт.

Это ты, усреднённая,
Серая, смиренная сила,
Одного не жалела –
Для жертв на глаза пятаки.

Начнём с опричнины, Малюты, царствования Петра...
Народом было поддержано всё. Сталинизм – в том числе.
Двадцать с лишним миллионов в партии. Сегодняшние
опросные цифры не определившихся. Складываем
арифметически! Убеждаемся, что такого понятия, как
народ – нет. Речь может идти о стаде запуганных животных.

... Где по команде слёзы льют,
И выше смысла ценят фразу.
И любят нищие салют,
И умирают по приказу.

Не мешай бегущим от себя.

По-новому молоть можно, мыслить – сложно.

Всевечно захребетники страны
Доверчивых сгоняют в табуны.

И земли под ними нету, и в небе не за что держаться.
Духовная подвешенность, внутреннее смятение.

Слепопокорный раб,
Творец, палач и воин.
Когда ты станешь
Лучшего достоин?

Меж дьяволом и Богом гипнозная орда кочует
по дорогам неведомо куда.

Человеку – трагично.
Массе – может быть голодно, стыло.
Срам и скорбь за былое –
Такое – увы! – не для масс.

Дух жив.
И мысль жива. Устало тело –
От игрищ властных
Всё осточертело.
«Не пик!» –
Кричу себе.
Другого нет.
За правдою – тупик?
За ложью – свет!

Сходи с ума, запейся, волком вой –
Толпа всегда останется толпой.
Защита и опора не вокруг.
Она в тебе.
Ищи себя, мой друг.

Горбя до треска сухожилий
За пайку, водку и пшено,
Вы митингуете,
Как жили –
Тогда,
Когда разрешено.

Нет чёткого врага. Размыло берега табунного
блаженства?

Рабочий класс. Солдатский класс. И заключённый
класс. То нет имён в объёме масс, то разума, то глаз.

Заползайте живьём в бомболоуки,
Торопитесь, немые ублюдки...
Не сейчас, а потом – когда станете серым скотом.

Эстетика уродства, эстетика преступления, эстетика техногенных достижений: архитектура, вооружение...
Человек толпы не обучается, он дрессируется, усваивая несколько приёмов, которые помогают ему сносно существовать, избегать побоев, иметь крышу над головой и корм. Вывод в поддержку такой точки зрения – трагедия при каждой смене дрессировщиков.

От гордого всепоклоненья
До мерзкого низкопоклонства
Из поколения в поколение
Мы переходим очень просто.

Веруй, веруй, пешкой серой мимо жизни проходя.

На вислогубых мордах стада
Смесь секса, страха и распада...

Осенним мутным половодьем
Неловко сыгранных ролей
Мы бессознательно уходим,
Сыны шутов и королей.

Я узнал о народе то, чего бы мне лучше не знать.

Правит
Пугало
Сбродом.
Славит
Пугало
Сброд.
Чей, откуда ты родом,
Богоносец-народ?

Без плётки и без пут толпе не сделать шага!

Дикость. Мерзостно. Убого.
Донной серости массив
Съел царя, пригваздал Бога,
Большевизмом закусив.

Пусть в хоре безразличных на меня, на одного,
но всё же будет меньше.

...Не удивлюсь, когда возрастут из праха мутанты духа
с лицами людей.

Жизнь меня научила
Различать наперёд:
Где – лицо,
Где – личина,
Где – табун,
Где – народ.

Куда спешим? Не знаем... Потупив в землю взгляд,
с сомнительным сознанием гребём вперёд-назад.

Глас народа – насмешка,
Чёрный юмор в альбом.
Обречённая пешка
При раскладе любом.

Раб – это ведь не обязательно нищета. Понятие не классовое, а поведенческое. Может быть раб привычки, традиций, раб по доброй воле. Можно считать себя свободным, а на самом деле быть рабом клана, принадлежности к толпе... Когда охота скрыться за спинами, пока зов времени не вызовет тебя из этой рабьей униформы.

До Чечни со второй мировой
Поэтапно добрался живой,
Чтоб оттуда глядеть
Сквозь года
Через сумерки слёз и стыда.

Сам пред собой в закате золотом –
слепой пастух, растоптанный скотом.

Душа родимая! Как ты правильно заметил, серомозглость никогда не попадёт в тупик по той причине, что она, живя, из этого тупика не выходит. Для этого необходим действенный и сомневающийся разум. Что поделать... Без личностных потерь нет личностных находок.

ОБ ОБИДАХ

Люди, не торопитесь с обидами!
Прошу: помашите уходящему с улыбкой.
Если не можете улыбаться – помашите просто так...

Мы с тобой
У края поля битвы –
Два судьбой пленённые врага.

Не надо слов.
Забудь слова,
Когда от них одни обиды.

Существую – существ-вою (существенно вою).

Нас по поздней морали
Не раз и не два обокрали
Грязью чистых анкет,
Дефицитом любви и тепла.

«Неумение плакать... А хочется. Было б плечо». А не может ли так случиться, что когда появится плечо, пропадёт желание плакать? В чём причина – в плече или в желании плакать? Бывает: плачешь, как платишь. А бывает, не можешь сдержаться слёз, ничего не замечая вокруг.

Не отплати неправдой – лживым,
И клеветой – за клевету.

Проклятых слов не запомнил. Радостных глаз не забыл.

Сначала молчаливая обида, потом мордобой,
а потом вообще ничего.

Для обид на моём циферблате нет времени.

Подмяв братишку под себя, лежу я – мордой в грунт.
Кому предъявишь груз обид? Чужие все кругом.
Я жив ещё, а он – убит. Своими, не врагом.

И я кричу разбитым ртом,
Вжав голову до плеч:
готов за свой бездомный дом на амбразуру лечь.

Тело каменным стало. Душа только помнит побои,
отшагав со страну её исторический пласт.

Уходим мы немо, с обидами,
С униженностью и стыдом,
Чтоб встретиться в грунте с убитыми
Гуманным советским судом.

Смехота. Даже смех не берёт. А для горечи времени
мало. Перекурим – и только вперед! Нынче – что?
Не такое бывало...

Как ни крути, но обращаясь скотски с виновными,
мы бьём себя в лицо.

Живу на взрыве двух больных энергий:
своих страданий и чужих обид.

Хотя раз покайтесь перед нами, убийцы наши.
Мы поймём. Мы вам всё простим.

...И разбитые доты
Человечьих улыбок,
И воронки-глаза.
Но одно поражало:
Сквозь сплошные ушибы –
Потрясающей правды слеза.

Плачут деды и внуки, плачут урки и мурки...

Я жив ещё, и никаких обид на стрелка, которым
не добит.

О ПОЛИТИКЕ

Федерасты, депутаты, тати!
Долго ль биться будете за трон?
Душам женским отдышаться дайте.
Тяжко им дышать от похорон.

Правитель добр – считают, слаб.
Не в нём беда, а в нас напасти!
Народ без права – жалкий раб.
Кровавый бунт – народ у власти.

Беда одного человека – это личная трагедия.
Беда вождя – трагедия народа.

Ни света цельного, ни тьмы. Желтки домов.
Деревья голы. Не те сердца. Не те умы.
Не те пророки и глаголы.

Культурный прах.
Плоды висят –
Безумства властной непогоды.
И в тридцать лет, и в шестьдесят
Несу в себе её невзгоды.

Нам по фигу любая власть. Нам надо то, что можно
клясть за нашу собственную глупость.

Обрядили страну в уголовных блатари
из кремлёвских палат.

Если наши жертвы нипочём – государство стало палачом.

Пестрят призывы. Лязгают затворы. И льётся кровь.
И судят нищих воры.

Выбор: либо помог, либо раскулачил.

Умная собачка раньше определяет, когда что дают.
Если даже только понюхала. Знает, кем и зачем по-
слана.

Бросок под сень орлов от многозвездья...

Идёт к концу февраль двухтысячного года.
Враля сменяет враль, дан старт политпоходу.

Рабы плодят вождей. Вожди от скуки норовят
в тираны.

Вопят партийцы. Глохнут петухи.
Из ангелов выходят лиходеи.
Всё рыщут, ищут новые идеи,
Влача по жизни старые грехи.

У меня глаза идеологической заразой не поражены.
А то наденут на мальчика ватные штаны (памперсы),
и всё при себе. И нужника не надо: «Ах, как хорошо
ватные штаны держат!»

Разжигают страну изнутри политические упыри.

Не обязательно сжигать дом, если в нём появились мухи.

Что это – подъёмное падение? Реквием земного оскудения?

Читает проповедь фанерно
Смесь замполита и попа.
Смеясь наигранно и нервно,
Гудит российская толпа.

Конца и края здесь вам нет,
Избранники политэлиты:
Смешат страну и белый свет
Совдепы и космополиты.

Трудятся упорно депутаты, чистя избирателей
карманы.

В полдержавы метёт политвьюга, обнажив суходол
в полстраны...

... На зависть им
На том стояли и стоим:
Одно копыто – в Азии,
Другое – в безобразии.

Видеть бы радетелям страны шутовство своё
со стороны...

Находиться и действовать в состоянии изменённого сознания: выставлять оценки своим мыслям, действиям в произвольно изменённой политике.

Мы сами для себя
Творим напасти
Переизбытком
Серости у власти.

Настигаемый мглой политической гари и дури,
Я иду по стране, разорённой партийным безумьем.

Бег на красный свет.

Современное бляение до сведения зрачков
к переносице...

Не отдавайте собственных детей в меню
каннибалических затей.

Трагедия не в миллионах погибших, а в миллио-
нах оставшихся. Они всегда делали то, что велела
власть. Почему же сегодня к ним такое отношение?

Мёртвой собачке подаяние.

Наше кредо – уйти от политбрёда.

Звенят медали ниже палисада.

Лишь кровь да слёзы льются-льются за наши мысли
и дела. И ни одна из революций народ к добру не
привела.

Регисталинский гимн.

Побивали камнями безумье,
Топорами, свинцом
В совершенстве безумье творя.

Затеяла кровавый урожай. Взятась руководить –
не унижай.

Когда страна прикажет быть героем, и трактор
заболеет геморроем.

Здравствуем, лжём и малюем. Я говорю мордоплюям:
«Перестаньте украшать мясорубку».

Не каждый Иосиф – библейский. Мы пустили в свой
дом Иосифа, но не учли, что это Джугашвили. А он
до того разросся, что вручил нам домики с решётками...

К власти чистым не выйти. Нет честной дорожки
к посту.

Опочил Сатана – но осталась железная хватка.

Страна богатейших ископаемых и рабов.

«Но не суди рабов...» А рабы-то судят. Поэтому я и сегодня живу с теми же отбитыми лёгкими и всё чаще вижу заостряющийся нос и обтянутые скулы Российской демократии.

Были мы малютками
В культурном режиме.
Выросли ублюдками,
И очень большими:
На шеях – кресты.
Глазницы пусты.
К святыням всемирным
Спалили мосты.

Забастовки. Прорва прессы. Шаромыжат шабаш бесы.

Довольно бредословья политбасен. Народ опасен.
Человек – прекрасен.

Они разбили ему голову краеугольным камнем
марксизма и удавили красной нитью.

Многое зависит от плотности насильного и добровольного политгипноза. Всё настолько смещается, что, проживая в узаконенном раю, вдруг обнаруживаешь, что пребывал в аду беззакония.

Так было с нашим поколением...

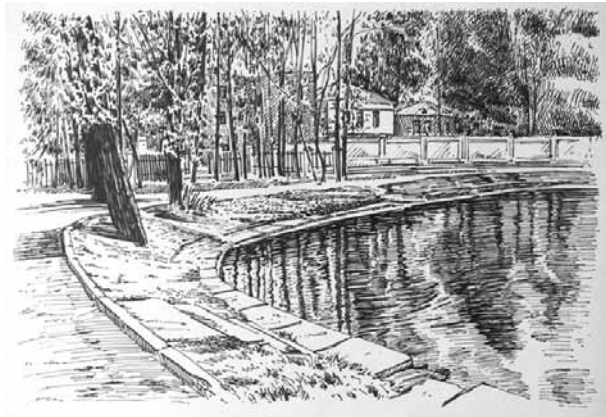
Не дуди, полководец, в дуду,
Накликай другому беду.
Ты забудешь – погостная птица
На гнездовье к тебе возвратится.

Устал я за истекший век
От государственных опеки.

Общество наше, годами не грея, дымит...

Меня нисколько не удивляет, что сегодня планета умирает
«от здоровья». Она умирает от здоровья, которое
с помощью СМИ внушают нам политические эскулапы.

Над распятым рассудком –
Естественно и политбюро.
Панихида и благовест.
Вопли и колокола.

О ДУРАКАХ

Родина без дураков – как новогодняя ёлка
без украшений.

Что вы тут по ночам жужжите, мухам спать не даёте?

Это последний гвоздь в наш менталитет, а глупость
бессмертна и беспредельна.

Ты куда, человечество, мчишься, смеясь дурдомами?

Нам потому легко в мучении, что вечно тяжело в
учении.

Прошёл я мыслью по векам,
И понял, что к чему:
Бог не помощник дуракам,
И мы – пример тому.

Должна быть цель. Иди-от, иди -до.
Если идти «от» – идеологии, заказа...
Это и будет «идиот».

Да здравствует мордоворот
Новейшего разлива!

Дорого обходится нам шутка, от которой
всей планете жутко...

Нет причин говорить – пусть молчат ваших ртов бомболуки.

Будет время: без мстительной жажды свою глупость
мы вспомним однажды...

Я творю творенья идиотам. Братья по маразму.

Российские дороги – гололедица.
Эстрада – голопопица.
Кинотеатры – гололюдица.
Чуть помедленнее, пони.

Гордясь не доблестями разума,
А мглой дремучего инстинкта,
Живём не мысля,
Сонно, разово,
Завистливо, лениво, спито.

Отмечтав, оттрёкав и отботав,
Без реклам, без «анти», без властей
Я творю муру для идиотов
Всех времён, народов и мастей.

«Другого не дано»:
Одних Бог – умом. Других дьявол – глупостью.
Третье – что предпочтёт сам человек: хочу всего,
хочу сразу...

Историко-культурные маяки нишкнули, что чем ближе
к истине, тем больше лжи (по шкале добро, зло, правда,
ложь...)

Квота для идиота.

В борьбе, в истмате, в блюде хмельном сотворены
искусственные люди искусственной страны.

Когда я слышу – «нереально, не жизненно», то мне понятны эти эпитеты. Люди, живущие по стандартам, штампованно мыслящие – разве они могут знать реальность, жизненность, истину, кроме тех, которыми живут? Они говорят так, потому что им нечего и не с чем сравнивать, кроме того, что у них есть. Делая подобные выводы, они ставят подпись под собственной глупостью.

Не чеши попу об алмаз.

Чем значительнее стараешься выглядеть,
тем значительнее выглядит твой идиотизм.

Заиграли клоуны – дурью избалованы.

Победа – дураку награда. Для мыслящего – тяжкий крест.

Пора, давно пора, славяне, на белом свете жить без дряни.

Все шли к великой цели!
И оказались вдруг у глупости в прицеле.

Литр-объединение.

О СЕБЕ

Лет непостижимый свет.
Снежно. Серебристо.
Я свободен на сто лет
И ещё на триста.

Обо мне будут говорить много и разное, и каждый
раз это будет правда говорящего.

Как я прожил все годы эти?
Без политических горилл
Я сам себя
На белом свете
Усердьем каторжным творил.

Мне страна подарила
Стальной, не терновый венек.
Я за несколько лет
Стал на десять веков одинок.

Я тону в людской словесной ржави:
Не кочевник и не вечный жид.
Жизнь моя принадлежит Державе.
Смерть моя принадлежит Державе.
Что же лично мне принадлежит?

И бьёт меня сегодняшняя гласность, как прежде
обезглашенность моя...

Арифметика дел: бредни дикой борьбы пережиты.
Из-за правды и лжи растерял я своих дорогих!
С превеликим трудом обучаюсь искусству защиты:
Каждый день, каждый миг от себя защищаю других.

По зыбучей по зыбкой по оползи стёжка моя...

Я всё прошел и всё забыл.
И оговор, и приговор, и заключение, и забвеньё –
Одной цепи карательные звенья.

Я родился в узилищах, и от них не так просто избавиться.

Ах сердце, сердце! Что с тобою?
Ты – спичка в дождевой ночи.
Прощаюсь каждою строкою
В безгласье гаснувшей свечи.

Вот такие, брат, дела:
Жизнью жизнь ли та была?
Минула – осталась
Глупость и усталость.

Нужно избавляться от ушедшего в самом себе, если
это помогает. Если держаться вертикально, избыточный
груз уходит, ибо это и рука и мысль человека, действия
которого предсказуемы.

Мне судьба единая дана,
И хочу прожить её до дна
Не в казарме братской,
Не в раю,
А свою,
До искорки свою.

Мысль, как узник, в былое глядит, ожидая расстрела,
до жестокой тоски ощутив пустовой бытия...

Не жив, не мёртв. Не горестен, не рад.
И вижу ангелов – в бандитах.
Десятки миллионов пережил я правд
Больных, обезображенных, убитых.

Быть при деле – это ещё ничего... Лишь бы «Дело»
не при мне. «Хранить вечно».

Меня столько обижали молчанием, что обидеть
гласностью уже невозможно.

Уж не я ль, уж не сам ли –
Через дымную вьюгу –
Как подбитая цапля
По горящему лугу...

Не нервничать – значит ничего не делать.
Когда ходить некуда, ходишь под себя.

Ценим! Но платить нечем...

Я-то дышу глубже, а получается, чем глубже, тем глупше... :))

Я никогда не был антисоветчиком, антипатриотистом... Я всегда был антиидиотистом, чего ещё больше не прощают... Я никогда не испытывал неприязни к государству – испытывал неприязнь к той мерзости, которая творится около него.

Хрупкое государство под названием – Детство... Ему нет забвения и нет в него возвращения. Кто его лишён – непростимо, непоправимо. Я однажды чуть не сгорел от запоя, когда хотел в него возвратиться. Остановил сумасшедший крик из глотки: а вдруг не получится выйти из запоя? – и этот страх победил.

... Невозможно забыть и страшно терять.
Но возвращаться нельзя: пришел, увидел (не то!) – и потерял.
Это всегда болит, «как у солдата отнятые руки»...

«Молчи, скрывайся и таи!» И думы тягостны мои.

Если повернуться к жизни в профиль, откроешь сундук с пережитым... И найдёшь столько ненужного, что без юмора жить нельзя. Серьёзное окажется ненужным и наоборот.

Но я, пройдя мирскую бойню, оставлю память о стране – о нынешней и той, что помню.

Я совсем маленьким застал процедуру раскулачивания, на дедушкином дворе – когда выводили лошадей.
Не выводили, а нещадно били: лошади не шли в чужие руки...
Это живёт до сих пор...

Ни свечой, ни страхом, ни мечом не хочу участвовать ни в чём.

Поздний, единственный, близкий,
Кто мы, дружище, скажи?
Мёртвой страны обелиски
Среди завьюженной ржи.

Чернь бездумна и дика, что сегодня, что встарь.
Сам себе я владыка, сам набат и звонарь.

Если нет жизни иной –
Радость уходит, слабея.
Смейтесь, друзья, надо мной,
Смейтесь до горе-забвенья.

Находиться и действовать в состоянии изменённого сознания:
выставлять оценки своим мыслям, действиям в произвольно
изменённой политсреде.

О чём я ни мечтал –
Не помню сам:
Пройдет война,
Вздохну на всю планету,
Всем детям – хлеба!
Взрослым дам вина!
И в мир уйду,
Где героизма нету.

Осудил меня век для кочевий – возвращаться
до смерти домой.

Вот за то, что не слеп по команде – стал тенью от века...

Есть груз, с которым не пойдёшь к соседу.
Безмерный груз – гремучая вода.
Я тихо сам с собой веду беседу:
«За что вы казнены, мои года?»

Тёмный парус над общей неделей. И сидит здесь
душа моей Памяти – псом на цепи...

Монографией века,
Жёсткой оптикой дня
И герой,
И калека
Молча смотрят в меня.

Тело каменным стало. Душа только помнит побои,
отшагав со странною её исторический пласт.

Слышу лязганье гонга.
Вижу цели страны.
Знаю: сдохну задолго
До скончанья войны.

Я мог бы рядом с сыном встать, но сын давно убит.
В погибель вбуханы года.
Обрубленные руки...
И уж не будет никогда
Ни встречи, ни разлуки.

Я понимал – потребуются годы,
Чтоб осознать трагический урон –
И в черновой российской непогоды
Вернуться после личных похорон.

Звучит мажорно: «Смерть в бою!» И смысл теряет
жизнь без боя. Я проклял молодость свою.
Всё вспоминаю, сердцем воя...

И те – за свет,
И эти – не за тьму...
Что ж так тюремно
Сердцу моему?

Неведомо и невзначай
Тревога, предчувствие, смута...
А в мыслях – прости и прощай! –
Себе и чужому кому-то.

И ночами стучится ко мне неуверенность
в завтрашнем дне.

Мы были гладиаторами общества, солдатами
и зеками страны.

Я каждое утро
Спасибо себе говорю
За то, что без злобы и зависти
Встретил зарю.

На кой мне чёрт хламьё-почёт? Есть хлеб, тепло...
Река течёт живых раздумий и смятений.

Не надо мне цели: ни птицы, ни зверя в прицеле...

Всё повторяется.
Живу,
Как дождь в костёр, как снег в траву.
И не туда, и не туда
Роняю мыслей листопад...

Я пришёл – для себя не разгаданным и не раскрытым.

Когда и куда прошуршала
Насмешка вчерашнего дня?
И память
Ладонью шершавой
Без слов утешает меня.

А то, что пройти довелось – всё проклято мной,
кроме слёз.

Я в лживый свет глядеть устал.
Заштору окна
Тканью чёрной,
Чтоб смрадный ветер
Лжи позорной
В мой нищий быт не залетал...

Моё постоянное чувство – ощущение незащитности
перед законом и перед беззаконием.

Празднично! Траурно! Чокнуто.
Имя моё перечёркнуто.

Визитов нет.
Знакомых голоса
С каких-то пор всё реже, реже, реже...
Пришла, видать, иная полоса –
Определяет жизнь иные межи.

Ни крова, ни дыма, ни дома...
Жжёт память замёрзшим огнём.
За тысячи лет до погрома –
Гримасы на сердце моём.

Анализируй!
Жребий брошен.
И крест дубовый на плече.
Нет в жизни наказанья горше –
Прожить неведомо зачем.

Я припаду к земле душой, вмерзая памятью в Россию.

О СМЕРТИ

Умирать можно, когда со всех сторон обсмотришь глупость,
а она, к сожалению или к счастью, безгранична.

Убиенным, гонимым – открывают вам счёт мои строки...

Перед жёстким законом
Руками уж больше не машем,
Лишь
Меч времени
Головы белые наши сечёт.

Да, были мы, были – блуждающей горсткой
космической пыли. Слышите там, за нами – мы были!

Улыбнись. Не реви. Не до слёз.
Деспотии апрельский мороз?
Мы не будем спешить, чтоб успеть...
Улыбнись.
Жизнь длиннее, чем смерть.

Ну и что, пусть дело идёт к концу, но лучше улыб-
нуться печали. Сколько её было на моих ранних
дорогах, да и на теперешних...

Делами учите свою смерть улыбаться жизни.

Бывает, что человек сам создаёт прецедент для смерти от
внутреннего разлада с самим собой. И это необязательно
самоубийство. Можно жить не в том направлении, где тебя
ищет смерть, и тогда... не всё потеряно.

Уходят живые,
Уходят ребята,
Отряд за отрядом.
А жизнь остаётся,
Как степь без колодца,
С безжизненным рядом.

Душа продубела – вот ей и не до смерти.

Погибшим не стыдно, не больно... Скажите, что все
мы из жизни ушли добровольно.

... Чтоб я ушёл без едкой власти дыма, так горько
разделяющего нас.

С момента появления человека в мир – в этом нет ни трагедии, ни юмора – смерть постоянно присутствует многолико. Она всегда тут, игнорирует любые человеческие ошибки. Она – часть жизни и даже чуть-чуть больше, потому что человек уходит, а она остаётся (в том числе в виде памятников, надгробий). Держит тебя на руках, кормит грудью...

Если бы человек смолоду, как только сделал для себя определения Воздух, Пища, Мама, помнил о Смерти, он многого бы не делал праздного и вредоносного. Можно ли акклиматизироваться около смерти, постоянно себе повторяя: «Я не боюсь её...»? Боюсь или нет, она намного реальнее и конкретнее, чем наши понимания и представления о ней.

Душа жива тростником, тополем, а печальна потому,
что со всем этим придётся расстаться.

Уплывают любимые лица
В мельтешении слов-небылиц.
А потом будут лица пылиться,
А потом –
Ни улыбок, ни лиц...

Тишина может быть всякой. Тишина поэзии...
кладбищенская...

Жизни отдай всё, а смерти поможет мгновение.

Но когда-то, я знаю,
Однажды такое случится:
Предпоследнюю песню
Закат над полынью прольёт.
Упаду от скитаний на землю,
Как старая птица,
От растраченных сил
Не сумею завершить перелёт.

Если есть секунда, мгновение свернуть от могилы в
сторону – сверни. Этим мы остаёмся на земле.

Появился на свет – учись дружить со своей смертью,
очеловечивай её.

Когда смерть утрачивает остроту опасности, жизнь
теряет смысл. Ни выть, ни воевать нет сил.

«Кто усопший, люди?» – «Полно, не грехи.
На щербатом блюде медные гроши».

Неведомо и невзначай тревога, предчувствие, смута...
А в мыслях – прости и прощай! – себе и чужому кому-то.

Помаши рукой уходящим.

Не я распахиваю склеп. Идущий первым – слеп.
Последующий – независим.

Я жизни жаждал – предлагали смерть.
Просил о смерти – продлевали муки.

Кричу – без слов!
Не подавай мне руку,
Безвременьем надломленную ветвь!
Давай при встрече
Выпьем за разлуку,
И рассмеёмся...
Чтоб не зареветь.

И умирать мне не велят, и жизни не дают.

Для того, чтобы обрести в нашей стране более-менее
человеческое существование, иногда надо идти
навстречу собственной смерти.

Оставайтесь с нами. Оставайтесь в снах.

Есть свет в осмысленной беде!
Нет смысла – с вымыслом бороться.
Я знаю:
Никогда, нигде
При жизни жизнь не удаётся.

Дождик. Ветер. Ливень. Иван-чай.
Провода от влаги поседели.
Я кому-то говорю: прощай!
Времени?
Безвременью?
Себе ли?..

Так тяжко дико...
Всё... прошло...
Плохо рихтованное зло –
(уползло, проползло, завело, замело...)
Ни обвинить, ни помолиться.
Любовью подышать успеть бы.
Стремнина.

Жизнь протекла сквозь скрюченные пальцы.
Земля – чужба. А мы – её скитальцы.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Красный блокнот.....	3
О прошлом и будущем.....	4
О жизни и разуме.....	10
Понимание.....	16
О любви.....	19
О поэзии.....	22
Об одинокости.....	26
Об истине.....	29
О Боге.....	31
Лирическое.....	35
Мистическое.....	38
О человеке.....	40
О России.....	43
О свободе.....	48
О толпе.....	50
Об обидах.....	56
О политике.....	59
О дураках.....	66
О себе.....	69
О смерти.....	78

Михаил Сопин

Вмерзая памятью

Компьютерная верстка: Лежнева Е. А.

Подписано в печать 06.04.2015 Формат 60x84/16

Усл. печ. л. 8,75 Тираж 100 экз

БУК ВО «Вологодская областная универсальная научная библиотека
им. И. В. Бабушкина»;
160000, г. Вологда, ул. М. Ульяновой, д.1; т/ф.(8172)21-17-69